

ЛЮБИМАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

АГАТА
КРИСТИ

НОЧЬ
БЕЗ КОНЦА

МОСКВА
2021

ЛЮБИМАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ЛЮБИМАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

АГАТА
КРИСТИ

НОЧЬ
БЕЗ КОНЦА

МОСКВА
2022

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Agatha Christie
ENDLESS NIGHT

Copyright © 1967 Agatha Christie Limited.
All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE and the Agatha Christie Signature
are registered trademarks of
Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere.
All rights reserved.

Иллюстрация на обложке *Филиппа Барбышева*

Кристи, Агата.

К82 Ночь без конца / Агата Кристи ; [перевод
с английского И. М. Бессмертной]. — Москва :
Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-120261-3

Молодой и бедный, но чрезвычайно амбициозный Майкл Роджерс мечтает о счастье и идеальной жизни. И когда он встречает красавицу Элли и влюбляется в нее с первого взгляда, ему кажется, что на его стороне само Провидение. Тем более что Элли богата и уже купила отличный участок земли, чтобы построить там прекрасный дом. Казалось бы, все мечты Майкла исполняются. Но дело в том, что над этим участком, который известен в народе как Цыганское подворье, по старинной легенде, висит давнее проклятие, причем не одно. Испокон веков здесь время от времени происходили страшные вещи. Но разве задумываешься о каких-то там бабкиных рассказах, когда на кону стоит счастье всей жизни? А цыганские проклятия тем временем начинают сбываться...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-120261-3

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Норе Причард,
от которой я впервые услышала
легенду о Земле цыгана*

В череде бегущих лет
Мы рождаемся на свет.
Ночью ль, днем — так мир сложен —
Кто-то к горю был рождён.
Днем ли, в ночь — так мир сложен —
Кто-то к счастью был рождён:
Полны света их сердца,
А другим — ночь без конца.

*Уильям Блейк.
«Прозрения невинности»¹*

¹ Пер. И. М. Бессмертной.

Книга первая

Глава 1

«В моем конце — мое начало...»¹ Мне часто приходилось слышать, как произносят эту цитату. Звучит она неплохо — только что же означает на самом деле?

Существует ли вообще такая особая точка, в которую можно уставить палец и сказать: все началось как раз в тот день, в такой-то час, в таком-то месте и с такого-то события?

Неужели эта моя история могла начаться в тот момент, как я заметил на стене паба «Святой Георгий и Дракон» объявление о продаже с молотка дорогостоящего поместья «Башни» с указанием площади владения в акрах, протяженности дороги в милях и фарлонгах² и даже снабженного весьма идеализированным изображением поместья, каким «Башни» могли быть лет этак семьдесят-сто тому назад?

Тогда я не был занят ничем особенным, просто прогуливался по главной улице Кингстон-Бишопа,

¹ Начальные слова одного из «Квартетов» американско-английского поэта, драматурга, литературного критика Т. С. Элиота (1888—1965).

² Фарлонг — мера длины, равная $\frac{1}{8}$ мили (201,16 м).

местечка не особой важности, стараясь как-то убить время. И заметил объявление о продаже. Что это было? Судьба, что ли, со своими грязными шуточками?! Или золотое рукопожатие Фортуны? Можно посмотреть на это и так, и сяк.

Или, скорее, можно было бы сказать, что начало всему было положено, когда я встретился с Сантониксом, во время наших с ним разговоров; стоит мне закрыть глаза, и я вижу его пылающие щеки, чуть слишком ярко сверкающий взгляд, движения его сильной и в то же время хрупкой руки, набрасывающей горизонтальные планы и вертикальные проекции, рисующей эскизы домов. Особенно одного дома, такого красивого дома, такого дома, какой было бы так замечательно иметь!

Моя мечта о доме, хорошем и красивом доме, о таком доме, какого я никогда не мог и надеяться иметь, всплыла в мое сознание и в мою жизнь именно тогда. Это стало фантазией, которую мы лелеяли вместе, — дом, какой Сантоникс построит для меня, если доживет...

Дом, где — в моих мечтах — я жил с любимой девушкой, дом, где, словно в глупенькой детской сказке, мы «жили бы долго и счастливо». Все это — чистейшая фантазия, но она-то и зародила во мне мощную волну желаний.

Или же, если эта история — история любви, а она — могу поклясться! — и есть история любви, почему бы не начать ее с того момента, как я впервые

увидел Элли, стоящую в тени темных елей Земли цыгана?

Земля цыгана. Да, пожалуй, лучше будет начать с этого, с того момента, когда я отошел от объявления о продаже, слегка поевшись, потому что тут как раз темная туча напозла на солнце, и я, довольно беззаботно, задал вопрос местному жителю, не очень старательно подстригавшему живую изгородь неподалеку от паба:

— А что это за дом такой, эти «Башни»?

До сих пор вижу перед собой странное выражение на лице старика, искоса взглянувшего на меня, и слышу его слова:

— Дак у нас тут его и домом-то никто не зовет. Разве так его звать надо? — Старик неодобрительно фыркнул. — Тут уж тыщу лет как люди не живут, а «Башнями» его только тогда и звали. — Он снова фыркнул.

Тогда я спросил старика, как он сам называет это поместье, и снова глаза на его старом, с глубокими морщинами лице метнулись от меня в сторону, как это бывает, когда говоришь с сельскими жителями — они стараются не смотреть прямо тебе в лицо, предпочитая глядеть поверх твоего плеча или куда-то за угол, будто видят там что-то, чего не видишь ты.

— В нашей округе его прозвали Земля цыгана, — сказал старик.

— Почему же его так прозвали?

— Да какие-то истории тут ходят.. Я не больно-то

знаю. Одни одно говорят, другие — другое. — Затем он продолжил: — Во всяком разе, тут то и дело несчастные случаи случаются.

— Несчастные случаи? С машинами?

— Да всякие... В наши-то дни больше с машинами. Это скверное место, скажу я вам, да и поворот там крутой, понимаете?

— Ну, — возразил я, — вполне понятно, что, если там поворот опасный, могут быть несчастные случаи.

— Сельский совет повесил там предупредительный знак, да только знак этот ни к чему хорошему не приводит, нисколечки не приводит. Как бились машины, так и бьются.

— А при чем тут цыган? — спросил я его.

Взгляд старика снова скользнул прочь, и ответ его был весьма туманным:

— Опять же, разное рассказывают. Когда-то эта земля, говорят, цыганам принадлежала. Их оттуда прогнали, а они возьми да и наложи на эту землю проклятие.

Я рассмеялся.

— Ага, — произнес он. — Хорошо вам смеяться, а только вот, по правде, есть места, всамделе проклятые. Вы, городские умники, про это не знаете ничего, а на этом месте проклятие точно наложено. Там в карьере людей убивает, когда они за камнем для стройки приходят. Старый Джорди как-то ночью свалился с краю вниз, да и шею себе сломал.

— Пьяный был? — предположил я.

— Может, и пьяный. Он не прочь был пропустить стаканчик-другой, это уж так... Да только много пьяниц падают, и здорово падают, а это им надолго вреда не приносит. А Джорди — тот сразу шею себе сломал. Там, — он указал пальцем себе за спину, на поросший соснами холм. — На Земле цыгана.

Да, думаю, так все и началось. Не то чтобы я тогда обратил на это такое уж большое внимание. Просто это мне запомнилось. Вот и всё. Я думаю — то есть когда я берусь думать про это как следует, — что я несколько преувеличивал, «закручивал» в уме этот сюжет. Не уверен, тогда же или позже, я спросил, остались ли еще цыгане в этой округе. Он ответил, что в наши дни их всюду осталось мало. Полиция всегда перегоняет их с места на место, объяснил он. Я спросил:

— Почему же никто не любит цыган?

— Дак они же все воры, — неодобрительно произнес старик. Потом взгляделся в меня попристальнее. — А в вас-то самом, случаем, цыганской крови нету? — с подозрением спросил он, уставившись прямо мне в лицо.

Я ответил, что, насколько я знаю, нет. По правде говоря, я немного похож на цыгана. Возможно, оттого-то меня так заинтриговало название «Земля цыгана». И я втайне подумал, стоя там и улыбаясь старику, беседа с которым меня позабавила, что, мо-

жет, и в самом деле есть во мне капелька цыганской крови?

Земля цыгана. Я пошел по вьющейся вверх дороге, что вела прочь из деревни и вилась все дальше вверх, сквозь темные деревья, и наконец дошел до вершины холма, откуда я мог видеть далеко вокруг. Я увидел море и корабли на нем. Вид был изумительный, и я подумал — ну, просто, как такие мысли приходят в голову, — а что, если б Земля цыгана была *моей* землей? Как это было бы? Просто так... Мысль эта была смехотворна. Когда я снова проходил мимо старика, подстригавшего кусты изгороди, он сказал:

— Если вам цыгане понадобятся, дак тут, конечно, старая миссис Ли живет. Майор ей коттедж дает, чтоб жить было где.

— Какой майор? — спросил я.

Старик ответил голосом, полным возмущенного удивления:

— Дак майор Филпот, кто ж еще?

Казалось, он ужасно расстроился, что это мне неизвестно! Я сообразил, что майор Филпот был, по-видимому, местным Богом. Миссис Ли, очевидно, каким-то образом от него зависела и жила на его попечении. Представлялось, что Филпоты живут здесь всю жизнь и, так или иначе, управляют жизнью деревни.

Когда я попрощался с моим стариком, пожелав ему хорошего дня, и направился прочь, он сказал:

— У нее последний дом в конце улицы. Вы, мо-

жет, ее там, у дома, и увидите. Не любит внутри домов сидеть. Как у кого цыганская кровь есть, так они это не любят.

Вот так я и пошел вниз по дороге, тихонько навистывая и думая о Земле цыгана. Я успел почти забыть о том, что мне было сказано, когда увидел высокую черноволосую старую женщину, пристально глядящую на меня поверх живой изгороди сада. Я тотчас понял, что это не может быть кто иная, как миссис Ли.

— Говорят, вы можете рассказать мне о Земле цыгана, что там, вверх по дороге.

Женщина уставилась на меня сквозь спутанную челку густых черных волос и проговорила:

— Нечего тебе с этим делом вязаться, молодой человек. Лучше меня послушайся. Забудь о ней. Ты — красивый парень. На Земле цыгана никогда ничего хорошего не видали, и ничего хорошего от нее ждать не приходится.

— Я вижу, она продается, — произнес я.

— Ага, верно, и большим дураком будет тот, кто ее купит.

— И кто же может ее купить?

— А строитель какой-то собирается, да и не один. Она ведь задешево пойдет. Сам увидишь.

— Отчего же задешево? — с удивлением спросил я. — Такое прекрасное место...

На это женщина не захотела ответить.

— Допустим, строитель купит ее задешево, что он там станет делать?

Она усмехнулась тихонько, вроде бы про себя. Смешок прозвучал как-то неприятно, зловеще.

— Снесет старые развалины и, конечно, станет строить. Может, двадцать, может, тридцать домов построит, и каждый — с проклятием на нем.

Я пропустил мимо ушей последнюю часть предложения и откликнулся прежде, чем успел себя остановить:

— А ведь жалко будет. Очень жалко.

— А тебе-то что за печаль? Вот уж *им-то* радоваться не придется, тем, кто эту землю купит, и тем, кто кирпичи и раствор будет класть. Какой-то дурень на лестнице оскользнется, какой-то грузовик с грузом разобьется, какая-то черепица с крыши дома свалится и попадет куда надо. Да и деревья тоже, может, станут валиться под порывами ветра... Ох, вот увидишь! Никто ничего хорошего не получит от Земли цыгана! Им всем лучше оставить ее в покое.

Женщина энергично покачала головой, потом тихо, как бы про себя, повторила:

— *Не видать удачи тем, кто сунется на Землю цыгана.* И так было всегда.

Я рассмеялся. Она вдруг заговорила очень резко:

— Не смейся, молодой человек. Может случиться так, что смех твой слезами обернется. Никогда там не было счастья — ни в доме, ни на земле.

— А что случилось с домом? — поинтересовался